

ДЕНЬГИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ДОНСКОГО.

(съ таблицю № XII).

№ 1. *Лиц. ст.* — Поясное изображеніе челоуѣка, повернутое направо (отъ зрителя), съ топоромъ («чеканомъ») въ лѣвой рукѣ и саблю въ правой. Круговая надпись между двумя линейными ободками:

ПЕЧАТЬ КНЯЗ[А ВЕЛКГО] ДМН ; окончаніе надписи ТРНА

помѣщено во внутреннемъ ободкѣ впереди челоуѣческой фигуры.

Вокругъ внѣшняго линейнаго ободка замѣтенъ еще ободокъ изъ крупныхъ бусъ.

Об. ст. — Въ узорчатой рамкѣ арабская надпись:

١) السلطان الاعظم || محمد || اوزبك خان

Экземпляръ моего собранія вѣситъ 23 доли. Второй экземпляръ моего-же собранія, но значительно худшей сохранности, вѣситъ 18 долей. Экземпляръ Московскаго Историческаго Музея (Орѣшниковъ № 448) вѣситъ 22½ доли.

№ 2. *Лиц. ст.* — Подобна лиц. сторонѣ предыдущаго №. Надпись начертанная наоборотъ, т.-е. справа налѣво:

[ИМОГОЖНАЭ] ВАСНХТ[ЪУЭП] ; окончаніе ея (какъ и на

1) Т.-е. «Султанъ высочайшій Мухаммедъ Узбекъ Ханъ». Эта надпись является хорошею копіею съ лиц. ст. деньги Узбека, изображенной на прилагаемой таблицѣ подъ № 18. На этомъ штемпелѣ, кромѣ приведенной надписи въ четырехъ закругленіяхъ рамки имѣются еще слѣдующія слова: ضرب سراي سنة ٨٢٧, что значитъ: «чеканъ Сарая года 827» (вмѣсто 727: vrv), т.-е. 1329 г. по Р. Хр. Какъ этимъ указаніямъ, такъ и всѣмъ остальнымъ, касающимся татарскихъ монетъ и арабскихъ надписей, я обязанъ любезности А. К. Маркова.

№ 1) во внутреннемъ ободкѣ: [тѢ]НА , причеъ эта часть надписи начертана правильно, слѣва направо.

Об. ст. — Въ четырехугольной рамкѣ арабская надпись:

ضرب في سراي || الجديده

(т.-е. чеканенъ въ Сараѣ новомъ).

Вокругъ рамки — орнаментъ въ видѣ треугольниковъ съ точками внутри.

Экземпляръ собранія Московскаго Историческаго Музея (Орѣшн. № 453); вѣситъ 19 долей.

№ 3. *Лиц. ст.* — Поясное изображеніе человѣка, повернутое влѣво. Протянутою впередъ рукою онъ держитъ за вытянутый языкъ раскрывшаго пасть змѣя, тѣло котораго окружаетъ правильнымъ кольцомъ фигуру человѣка, образуя вокругъ него ободокъ. За этимъ ободкомъ круговая надпись:

КНАЗЪ ВЕЛКНАМІТ ; вокругъ надписи наружный линейный ободокъ.

Об. ст. — Въ двойномъ линейномъ ободкѣ арабская надпись:

السلطن تو || قتامش || خان خلد

т.-е. «Султанъ Тохтамышъ ханъ да живетъ долго»¹⁾.

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 23½ доли.

№ 4. *Лиц. ст.* — Весьма схожа съ лиц. ст. № 3, но въ круговой надписи въ концѣ еще двѣ буквы **КНАЗЪ ВЕЛКНАМІТРИ** .

Об. ст. — Такая-же, какъ у № 3.

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 22 доли.

№ 5. *Лиц. ст.* и *об. ст.* весьма схожи съ таковыми-же № 4, надписи тѣ-же, но на *об. ст.* вокругъ линейнаго ободка еще ободокъ изъ крупныхъ бусъ.

Экземпляръ собранія П. В. Зубова въ Москвѣ; вѣситъ 23½ доли.

№ 6. Монета, сходная съ описанною подъ № 5, но фигура человѣка нѣсколько меньше.

Экземпляръ собранія Великаго Князя Георгія Михайловича.

1) Это копія съ лиц. ст. денегъ Тохтамыша, чеканенныхъ въ 781—789 гг. (т.-е. 1388—1391 гг. нашей эры); такая денга изображена на нашей таблицѣ подъ № 20. На № 21 эта-же надпись повторяется на обѣихъ сторонахъ. Повидимому, это не татарская монета, а русское подражаніе таковой, хотя на ней и нѣтъ русской надписи (см. ниже).

№ 7. Монета, подобная описаннымъ подъ № 3—6, но надписи обѣихъ сторонъ исполнены грубо и отчасти искажены; на лиц. ст.:

КНАЗЪ [В]КНА]МТН

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 19 долей.

№ 8. *Лиц. ст.* — Неумѣлое погрудное изображеніе человѣка влѣво, держащаго въ рукѣ передъ лицомъ саблю. Круговая надпись между двумя линейными ободками: **КНАЗЪ [В]КНА]МТН**

Об. ст. — Въ линейномъ ободкѣ та-же арабская надпись, какъ на №№ 3—7.

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 19 долей.

№ 9. *Лиц. ст.* — Изображеніе пѣтуха вправо; надъ нимъ маленькое четвероногое животное. Надъ спиною пѣтуха буса (точка), подъ клювомъ — другая. Круговая надпись между двумя линейными ободками:

ПЕЧАТЬ КНАЗА ВЕЛКОГО ДМИТРА.

Об. ст. — Та же арабская надпись, какъ на №№ 3—8, но нѣсколько искаженная.

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 18 долей.

№ 10. *Лиц. ст.* — Подобна лиц. ст. предыдущей монеты; подъ клювомъ пѣтуха три бусы и растительный орнаментъ.

Об. ст. — Квадратная рамка, въ которой заключена арабская надпись. Эта надпись является точною копіею, но навыворотъ, надписи лицевой стороны изображенной подъ № 19 монеты Узбека, гласящей: || السلطان الأعظم || اوزبك خان т.-е. «Султанъ высочайшій Узбекъ-ханъ».

Экземпляръ изъ собранія Великаго Князя Георгія Михайловича.

№ 11. *Лиц. ст.* — Подобна лиц. ст. №№ 9 и 10; подъ клювомъ пѣтуха четыре бусы; надъ его спиною звѣздочка, подъ хвостомъ арабескъ. Круговая надпись эта-же, какъ на предыдущихъ двухъ №№.

Об. ст. — Арабская надпись, какъ на № 9, но тщательнѣе вырѣзанная. Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 19 долей.

№ 12. *Лиц. ст.* — Подобна лиц. ст. предыдущей монеты, подъ клювомъ пѣтуха три бусы и растительный орнаментъ. Круговая надпись та-же, что на № 11, но ясно видны начало и конецъ ея:

ПЕЧАТЬ КНАЗА ВЕЛКОГО ДМИТРА .

Об. ст. — Та же арабская надпись (съ именемъ Тохтамыша).

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 20 долей.

Въ моемъ собраніи имѣется вариантъ этой монеты, на которомъ слово **печать** ясно видно, причемъ послѣднія двѣ буквы изображены слитно, въ видѣ монограммы. Вѣситъ этотъ экземпляръ 22 доли.

№ 13. *Лиц. ст.* — Подобна лиц. ст. № 12. Круговая надпись:

[кна]завеликого[а]митри (безъ слова печать).

Об. ст. — тождественна съ об. ст. № 9.

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 20 долей.

№ 14. *Лиц. ст.* — Подобна предъидущимъ; четвероногое надъ пѣтухомъ нѣсколько больше и звѣзда между нимъ и спиною орла имѣеть особую форму.

Об. ст. — Татарская надпись та-же, какъ на предъидущихъ, но болѣе тщательной работы.

Экземпляръ собранія Великаго Князя Георгія Михайловича; (изъ коллекціи графа Гуттена-Чапскаго).

№ 15. *Лиц. ст.* — Подъ клювомъ пѣтуха такъ назыв. тамга ☸.

Круговая надпись: **ки[азъ]еликнамитри** (въ именительномъ падежѣ).

Об. ст. — Надпись, какъ на предъидущей; съ правой стороны — узорчатая тамга.

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 18 долей.

№ 16. *Лиц. ст.* — Надъ спиною пѣтуха звѣздочка, подъ клювомъ три бусы и арабскъ; подъ хвостомъ завитокъ. Круговая надпись сильно искажена, но можно распознать буквы: **кназ.....а...**

Об. ст. — Надпись, какъ на № 14.

Экземпляръ моего собранія; вѣситъ 13 долей (обрѣзанъ).

№ 16а. Кромѣ описанныхъ монетъ имѣется въ моемъ собраніи еще экземпляръ той-же категоріи монетъ, какъ №№ 11—16, но неудовлетворительной сохранности. Надпись на немъ, однако, читается отчетливо:

••кназавеликогоамитри (sic). Вѣситъ 17 долей.

Праотецъ русской допетровской нумизматики, Чертковъ, отнесъ къ Великому Князю Дмитрію Ивановичу (впрочемъ, съ оговоркою: «можетъ быть, Константиновичъ, 1359—1362») двѣ серебряныя монеты (стр. 3 Описанія древнихъ русскихъ монетъ, №№ 4 и 5), описавъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«№ 4. *На одной сторонѣ*: кажется, четвероногое съ обращенною назадъ головою и длиннымъ хвостомъ, вверхъ поднятымъ; быть можетъ, двуногій тритонъ, плывущій на лѣво. Вокругъ: пѣ-ать князъ вса годм; въ средивѣ надъ тритономъ: итриа. *На другой*: изображеніе стерлось. Вѣсъ болѣе 16 гранъ».

«№ 5. *На одной сторонѣ*: пѣтухъ, обращенный на право, надъ нимъ звѣрекъ или насѣкомое и точка. Вокругъ пѣ-ать княза ксакогод. *На другой*: Арабская надпись (или неправильная копія оной). Вѣсъ 14 гранъ».

«Примѣчаніе. На нашихъ четырехъ экземплярахъ, въ имени князя, видна только буква д. На подобныхъ деньгахъ, прежде у насъ находившихся, можно было прочесть и остальное (*Дмитрія*)».

Монеты эти изображены у Черткова на Табл. I подъ №№ 3 и 4. Вторая изъ нихъ воспроизведена въ рисунокѣ и описана, въ общемъ, удовлетворительно, хотя об. ст. настолько потерта на изображенномъ экземплярѣ, что разобрать на ней почти ничего нельзя.

Первая и описана, и изображена явно неправильно: по-словамъ Черткова, на ней «кажется, четвероногое» и т. д. Если въ своемъ описаніи Чертковъ осторожно вставилъ слово «кажется», имѣя въ рукахъ экземпляръ плохой сохранности (нынѣ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ), то на рисунокѣ этотъ плохой экземпляръ дополненъ такимъ образомъ, что «кажущееся» подтверждено до степени очевидной ясности. Такого типа монеты съ приведенною надписью не имѣется ни въ одномъ изъ извѣстныхъ собраній русскихъ монетъ, и (это можно теперь съ увѣренностью сказать) никогда и не было. То, что Чертковымъ на плохо сохранившемся экземплярѣ было принято за «тритона», есть ничто иное, какъ изображеніе человѣческой фигуры съ мечемъ и топоромъ (у меня № 1), а лицевая сторона въ рисунокѣ на таблицѣ Черткова повернута невѣрно: предполагаемая голова «тритона» — по проверкѣ, является топоромъ въ рукѣ человѣка.

Въ изданномъ въ 1837 году «Первомъ прибавленіи» Чертковъ описалъ одну довольно несуразную серебряную монету и двѣ мѣдныя пулы, на которыхъ имѣется уже надпись съ «отчествомъ» Донского: ика(но) (см. Прибавленіе первое, стр. 10—11, №№ 440—442). Изображены эти монеты на Табл. XXI подъ №№ 6—8. Всѣ онѣ явно поддѣльныя и не заслуживаютъ никакого вниманія. Впрочемъ, уже въ 1836 году, т. е. за годъ

до изданія «Перваго прибавленія», Шодуаръ совершенно вѣрно замѣтилъ, что мѣдныя пулы начали чеканиться въ Россіи не ранѣе начала XV столѣтія (*Le Baron S. de Chaudoir. Aperçu sur les monnaies russes ... Première partie*, p. 133), на что Чертковъ не обратилъ должнаго вниманія.

Шодуаръ издалъ описаніе пяти серебряныхъ монетъ, приписывавшихся имъ Дмитрію Донскому (Назв. соч., *Seconde partie*, p. 4—5. №№ 8—12). Всѣ онѣ, судя по рисункамъ и по описанію, были плохой сохранности, за исключеніемъ одной — съ изображеніемъ поясной фигуры человѣка «со щитомъ въ рукѣ», т. е. типа, описаннаго мною подъ №№ 3—7 (Чертковъ въ 3 прибавленіи говорилъ: «поясное изображеніе человѣка, держащаго въ рукахъ, кажется, веревку, которою привязана голова звѣря»); но и на этой монетѣ круговая надпись прочитана Шодуаромъ невѣрно. Зато, арабская надпись оборотной стороны прочтена правильно, а именно: *السلطان توقاتمش خان خلد* (Султанъ Туктамышъ ханъ да живетъ долго). Изданный Шодуаромъ подъ № 9 типъ неизвѣстенъ никому, кромѣ него. Къ сожалѣнію, онъ не помѣстилъ изображенія какъ-разъ этой монеты на таблицахъ рисунковъ; судя по описанію въ текстѣ, экземпляръ, бывшій въ его рукахъ, сохранностью не отличался. Описываетъ онъ его такъ: дмитриа; голова въ коронѣ впрямь... *Об. ст.* Арабская надпись, которую нельзя разобрать. Въсѣ 19 долей»¹⁾.

На монетѣ типа, описаннаго у меня подъ № 1, онъ, какъ и Чертковъ, руководясь, очевидно, его описаніемъ, видѣлъ изображеніе «тритона», но на *об. ст.* правильно прочелъ арабскую надпись: *السلطان الاعظم محمد اوزبك خان* (т. е. Султанъ великій Мухаммедъ Узбекъ-ханъ).

Въ изданной Сахаровымъ въ 1842 году «Лѣтописи русской нумизматики» (С.-Петербургъ, Типографія Сахарова) собраны и описаны, безъ всякой, по неизмѣнному обыкновенію автора, критики, всѣ монеты Донского, изданныя его предшественниками, съ довольно значительными, впрочемъ, добавленіями. Всего Сахаровымъ издано 10 монетъ Дмитрія Ивановича; изъ нихъ 9 изображены на таблицѣ IX, а десятая, описанная по Шодуару (у послѣдняго подъ № 9, о чемъ см. выше), Сахаровымъ въ рисунокѣ тоже не издана; несомнѣнно, что онъ ея никогда не видалъ. Приведены, конечно, Сахаровымъ и всѣ поддѣльныя монеты, изданныя Чертковымъ. Кромѣ перечисленныхъ монетъ, Сахаровымъ изданы деньги, описанныя мною подъ №№ 1, 2, 3, 9 и 15, причемъ № 1 представленъ у него въ двухъ

1) Не есть ли это деньги, описанная А. В. Орѣшниковымъ во II томѣ Трудовъ Московск. Нумизм. Общества, въ статьѣ «Матеріалы къ русской нумизматикѣ до царскаго періода?» (4. о мон. великаго княжества Суздальско-Нижегородскаго).

экземплярахъ, на одномъ изъ которыхъ предполагается изображеніе «три-тона»; конечно, воспроизведенъ вновь фантастическій рисунокъ Черткова.

Въ 1842 году Чертковъ издалъ «Третіе добавленіе» къ своему Описанію, въ которомъ приведены еще двѣ монеты Дмитрія Донского: во первыхъ, серебряная деньга типа, описаннаго мною подъ №№ 3—7 и изданная уже Шодуаромъ: Чертковъ, вѣрнѣе разобравъ изображеніе лицевой стороны, видитъ на ней не человѣка, держащаго щитъ, какъ Шодуаръ, а «человѣка, держащаго въ рукахъ, кажется, веревку, которою привязана голова звѣря». Вторая, описанная Чертковымъ въ 1842 году монета—явно поддѣльный мѣдный пулъ, который, очевидно, удалось мошеннику—изготовителю фальшивыхъ древне-русскихъ монетъ всучить легковѣрному собирателю уже послѣ 1838 года, времени изданія 2-го добавленія.

Рейхель, начавшій издавать каталогъ своего нумизматическаго собранія въ томъ-же 1842 году, приписалъ Донскому 5 монетъ своей коллекціи. Изъ нихъ три принадлежатъ къ типу, описанному мною подъ № 1, но Рейхель истолковалъ ихъ типы и надписи совершенно неудовлетворительно. Рисунокъ № 1 на таблицѣ I тоже несомнѣнно неудаченъ. Вѣроятноѣе всего, изъ этихъ трехъ монетъ только два плохо сохранившихся экземпляра, описанные подъ №№ 16 и 17, дѣйствительно носили имя Дмитрія. Описанные затѣмъ подъ №№ 18 и 19 монеты, со ссылкой на Шодуара (Табл. II, № 1) и на Черткова (Т. XXVIII, № 5), были вѣрно опредѣлены обоими названными авторами, какъ монеты сына Донского, Василя Дмитріевича. Рейхелю пришла почему-то въ голову фантазія, совершенно произвольно и неосновательно, отнести ихъ къ княженію Дмитрія Ивановича.

Шубертъ въ своемъ «Описаніи» 1843 года, на стр. 60 приводитъ двѣ монеты типа, описаннаго мною подъ №№ 9—16 и поддѣльную мѣдную.

Сонцовъ въ изданіи «Деньги и пулы древней Руся...» (Москва, 1860 г.) опубликовалъ въ весьма неудовлетворительныхъ рисункахъ, не менѣе плохо описавъ ихъ въ текстѣ, двѣ деньги Донского: одну съ изображеніемъ человѣка «съ сѣкирою» (нашъ № 1?) и другую съ пѣтухомъ и «крысою или мышью» (наши №№ 9—16).

Въ «Нумизматическихъ изслѣдованіяхъ славянскихъ монетъ» того-же автора (часть I, Москва, 1867), на стр. 12 описана еще монета съ изображеніемъ пѣтуха на лиц. ст. и монета Василя Дмитріевича, произвольно отнесенная къ княженію Дмитрія Донского.

Въ «Дополненіи къ нумизматическимъ изслѣдованіямъ Д. П. Сонцова», изданномъ въ Москвѣ анонимно (Брыкинымъ) въ 1872 г., описаны двѣ монеты Донского: одна типа, мною приведеннаго подъ № 1, а другая, вслѣдствіе плохой сохранности, неопредѣлимаго типа (въ описаніи гово-

рится: «изображеніе въ кружкѣ, почти истертое»). Во «II Дополненіи», изданномъ въ 1873 году, на стр. 54 имѣется описаніе неизвѣстной мѣнеты, приписанной авторомъ Донскому. Здѣсь мы читаемъ: «четвероногое съ загнутымъ хвостомъ и головой, обращенной назадъ, бѣжитъ на лѣво, посреди его ногъ (sic) тамга, а подъ шеей на подобіе пчелы (sic), какое-то насѣкомое; вокругъ надпись: князь велики дмитр. На оборотѣ тамга и арабская надпись». Изображеніе монеты въ изданіи отсутствуетъ, а описаніе, не особенно грамотное, рѣшительно возбуждаетъ сомнѣніе: возможно, что все оно является плодомъ фантазіи автора.

Графъ Чапскій («Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси», СПб. 1875 г.) приписалъ Дмитрію Донскому цѣлыхъ пять монетъ (№№ 375—379). Въ дѣйствительности, только двѣ первыхъ изъ нихъ—могутъ считаться деньгами Дмитрія Ивановича, а остальные приписаны ему авторомъ каталога произвольно, безъ достаточно серьезныхъ основаній.

Наконецъ, въ прекрасномъ изданіи Московскаго Историческаго Музея: «Русскія монеты до 1547 года, сост. А. В. Орѣшниковымъ» (Москва 1896 г.) описано шесть принадлежащихъ Музею денегъ Донскаго (№№ 448—453), а именно: одна, упомянутая мною подъ № 1, плохой сохранности (№ 448; это экземпляръ коллекціи Черткова, на которомъ оный видѣль изображеніе «тритона»), четыре экземпляра съ изображеніемъ пѣтуха (№№ 449—452) и одна денга, описанная мною подъ № 2 (№ 453); одна изъ монетъ, а именно описанная подъ № 452, — несомнѣнно чеканена не при Дмитріѣ, а при Василіѣ Дмитріевичѣ, что было замѣчено уже самимъ А. В. Орѣшниковымъ.

Свое Описаніе монетъ А. В. Орѣшниковъ сопровождаетъ слѣдующими замѣчаніями (стр. 86 назв. соч.): «отнесеніе монетъ съ именемъ великаго князя Дмитрія. . . Донскому. . . не можетъ считаться вполне рѣшеннымъ вопросомъ, такъ какъ одновременно съ Дмитріемъ Московскимъ на Нижегородскомъ столѣ сидѣль его соименникъ, великій князь Дмитрій Константиновичъ, отрицать монеты котораго нѣтъ причинъ. . . .». И далѣе: «Вообще, значительное количество монетъ удѣльно-вѣчевого періода приходится опредѣлять предположительно, такъ какъ очень много князей XIV—XV вв. носили одинаковыя имена (Дмитрія, Василя, Ивана, Ѳедора). . . .». Въ примѣчаніи къ этимъ строкамъ А. В. Орѣшниковъ говоритъ еще: «за принадлежность монетъ Дмитрію Московскому, а не Новгородскому, могутъ, отчасти, говорить монеты съ типомъ пѣтуха, извѣстныя съ именемъ Дмитрія и Василя Дмитріевича».

Это грустное для изслѣдователей памятниковъ, относящихся къ болѣе древнему періоду русской нумизматики, мнѣніе А. В. Орѣшникова, въ

общемъ, вѣрно: для точнаго опредѣленія значительнаго количества монетъ XIV-го и начала XV столѣтія нѣтъ пока достаточно данныхъ, и къ числу такихъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ опредѣляемыхъ, монетъ относятся, между прочимъ, и приписываемыя Дмитрію Ивановичу Донскому. Къ сожалѣнію, ни на одной монетѣ извѣстныхъ намъ доселѣ типовъ не имѣется надписи съ обозначеніемъ отчества великаго князя или хотя-бы съ начальною буквою имени его отца, что единственно и могло-бы, въ сущности, окончательно рѣшить вопросъ. За ставшее обычнымъ приписаніе этихъ монетъ московскому великому князю Дмитрію Ивановичу говорить: 1) ихъ общій характеръ, относящій ихъ съ полною несомнѣнностью къ XIV вѣку, 2) содержаніе арабскихъ надписей, указывающихъ на то-же время, 3) сходство типа съ изображеніемъ пѣтуха съ монетами сына Донского, Василя, на чтѣ указалъ А. В. Орѣшниковъ. При необходимости выбирать между двумя соименными великими князьями конца XIV вѣка — Дмитріемъ Ивановичемъ и Дмитріемъ Константиновичемъ, естественно отдать предпочтеніе, если этому ничто не противорѣчитъ, первому изъ нихъ, какъ вслѣдствіе большаго его историческаго значенія, такъ и потому, что, по правдѣ сказать, мы о нижегородскихъ деньгахъ XIV вѣка, пока *ничего* не знаемъ достовѣрно, никакихъ неоспоримыхъ данныхъ даже о существованіи какихъ-бы то ни было монетъ Нижегородскаго княжества не имѣемъ (остроумныя соображенія по этому вопросу А. В. Орѣшникова меня мало убѣждаютъ и, во всякомъ случаѣ, фактъ чеканки монетъ Нижегородскими великими князьями относится еще къ области личныхъ воззрѣній; объективныхъ доказательствъ такой чеканки у насъ еще нѣтъ совсѣмъ). Поэтому, пока не будетъ доказана невѣрность принятаго пока всѣми нумизматами опредѣленія, мы имѣемъ полное право считать описанныя мною монеты за деньги Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донского.

Монеты эти до сихъ поръ крайне рѣдки, совершенно отсутствовали въ подвергшихся научному изслѣдованію кладахъ¹⁾, а на нумизматическомъ рынкѣ встрѣчаются только спорадически. Въ самыхъ большихъ казенныхъ и частныхъ собраніяхъ онѣ представлены только немногими экземплярами: такъ, въ собраніи Эрмитажа ихъ всего три, въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ — пять, въ собраніи Великаго Князя Георгія Михайловича три экземпляра. Въ моемъ весьма значительномъ собраніи монетъ допетровскаго періода, сравнительно съ числомъ монетъ другихъ князей, ихъ тоже

1) Имѣется свѣдѣніе о кладѣ монетъ Донского, найденномъ въ Виленской губерніи. Одинъ экземпляръ изъ этого клада попалъ въ Эрмитажъ; остальные, по слухамъ, были сплавлены серебряныхъ дѣлъ мастеромъ.

немного, а именно 14 экземпляровъ (монеть сына Донского, Василя Дмитріевича у меня въ собраніи около 300, его внука, Василя Васильевича свыше 800); все-же, это гораздо больше, чѣмъ въ любомъ другомъ изъ извѣстныхъ собраній. Въ числѣ моихъ экземпляровъ есть и неизданные доселѣ.

Имѣя это въ виду, я счелъ долгомъ подѣлиться на страницахъ Записокъ нашего отдѣленія свѣдѣніями объ этихъ рѣдкихъ русскихъ монетахъ съ собратьями по нумизматикѣ.

Въ мою задачу не входитъ исчерпывающимъ образомъ разобраться въ вопросѣ о монетахъ, приписываемыхъ Донскому. Преслѣдуемая мною цѣль скромнѣе, а именно: подготовить почву для будущихъ изслѣдованій, давъ описаніе сравнительно большого количества монетъ и возможность интересующимся ими обсудить вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Поэтому, въ дополненіе къ изложенному мною выше краткому обзору литературы вопроса, я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями относительно типовъ штемпелей, которыми наши монеты чеканены, и описаніемъ сфрагистическаго памятника, относящагося къ эпохѣ ихъ изготовленія.

Основныхъ типовъ лицевой стороны извѣстныхъ намъ донинѣ монетъ, могущихъ быть относимыми къ княженію Дмитрія Ивановича, всего четыре: изъ нихъ три съ человѣческой фигурою и одинъ (наиболѣе часто встрѣчающійся) съ изображеніемъ пѣтуха и надъ нимъ четвероногого звѣрька.

На №№ 1—2 изображенъ человѣкъ въ профиль, ниже пояса, держащій въ правой рукѣ саблю (не прямой мечъ, а кривую саблю), а въ лѣвой— поднятый, какъ-бы для удара, «чеканъ» или боевой топоръ. Это изображеніе, весьма часто встрѣчающееся на русскихъ монетахъ XIV и отчасти XV столѣтій. Художественныя достоинства (если дозволено такъ выразиться, при общей и основной неумѣлости рѣзчиковъ) воспроизведенія этого изображенія очень различны: на описанныхъ мною монетахъ оно относится къ категоріи наиболѣе тщательно и тонко исполненныхъ, тогда какъ на нѣкоторыхъ штемпеляхъ, принадлежащихъ другимъ, можетъ быть, княженіямъ, грубость исполненія доходитъ до самой элементарной схематичности.

Откуда это изображеніе заимствовано — не могу съ какой-либо увѣренностью сказать: первоисточника его, при всемъ стараніи, мнѣ не удалось найти, но сомнѣваюсь, чтобы оно было взято съ изображеній на иноземныхъ монетахъ; по характеру своему, оно больше всего напоминаетъ фигуры лицевыхъ рукописей или, еще лучше, прилѣпы старинныхъ соборовъ (напр. Собора въ Юрьевѣ-Польскомъ); если нельзя пока утверждать, что фигура заимствована изъ одного изъ этихъ источниковъ, то дозволено

предположить, по крайней мѣрѣ, что она навѣяна рѣзчикомъ штемпелей подобнаго рода хорошо знакомыми имъ письменными и архитектурными памятниками. Такое предположеніе можно отнести къ первоначальнымъ изобрѣтателямъ этого изображенія, къ тѣмъ рѣзчикамъ, которые первые помѣстили ихъ на изготавливаемыхъ ими монетахъ въ XIV вѣкѣ; позже, конечно, рѣзчики просто копировали существующій уже типъ, болѣе или менѣе удачно или грубо подражали другъ другу, не обращаясь къ первоисточнику, каковъ бы онъ въ дѣйствительности ни былъ.

Ограничиваюсь тѣмъ-же замѣчаніемъ относительно типа монеты, описанной подъ № 8. Рѣзчикъ представилъ здѣсь погрудное изображеніе чело-вѣка съ кривою саблею въ рукѣ. Этотъ типъ, можно сказать, исключитель-ный, не часто, а лишь изрѣдка встрѣчающійся на русскихъ монетахъ, но основной его характеръ, несмотря на сравнительную грубость, тотъ-же, какъ и перваго типа, хотя штемпель и исполненъ, повидимому, менѣе искус-нымъ мастеромъ. Монета Донского этого типа издается здѣсь впервые.

Деньги, описанныя подъ №№ 3—7, лицевые стороны которыхъ пред-ставляютъ незначительные варианты одного и того-же типа, тоже были мало извѣстны доселѣ въ нумизматической литературѣ. Работа штемпелей этихъ монетъ (дѣло рукъ, думается, одного мастера) нѣсколько грубѣе ра-боты изготовителя штемпеля №№ 1—2, и приближается по фактурѣ къ штемпелю № 8, будучи все-же нѣсколько лучше; въ общемъ, они носятъ характерный отпечатокъ мастерства XIV вѣка.

Смыслъ изображенія не отличается ясностью и можетъ легко быть толкуемъ различно, но наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется тотъ, который мною изложенъ въ описаніи *мн. ст.* № 3 (съ нимъ согласенъ, напимѣрь, такой тонкій знатокъ русской древности, какъ мой другъ Н. П. Кондаковъ). Я думаю, что здѣсь изображенъ чело-вѣкъ, держащій за жало змѣя съ от-крытою пастью, причемъ тѣло змѣя условно, вслѣдствіе круглago очертанія монетнаго штемпеля, образуетъ кругъ, составляя то, что принято нѣкото-рыми нумизматами называть внутреннимъ ободкомъ штемпеля, отдѣляю-щимъ изображеніе отъ надписи.

Борьба чело-вѣка со змѣемъ или даже простое сопоставленіе чело-вѣ-ческой фигуры съ пресмыкающимся — представленія очень нерѣдкія какъ въ лицевыхъ рукописяхъ, такъ и въ рѣзбѣ на камнѣ, по металлу и по де-реву. Этотъ вопросъ, сознаюсь, требовалъ-бы болѣе детальной разработки, которую я пока не былъ въ состояніи заняться ¹⁾.

1) К. А. Иностранцевъ обратилъ мое вниманіе на статьи Sarre: Islamische Tonge-fässe aus Mesopotamien, въ *Jahrbuch der Kön. preuss. Kunstsammlungen*, XXVI (1903), гдѣ описывается мусульманскій памятникъ съ изображеніемъ фигуры со змѣемъ, толкуемомъ,

Напомню здѣсь только, что въ лицевыхъ псалтиряхъ встрѣчается изображеніе царя Давида съ аспидомъ. Замѣчательно и можетъ быть объяснимо (конечно, не безъ оговорокъ) даже не одною только случайностью то обстоятельство, что изображеніе пѣтуха является тоже довольно обычнымъ въ лицевыхъ рукописяхъ. Въ видѣ примѣра, приведу изображеніе пѣтуха при иллюстрированіи евангельскаго эпизода отреченія апостола Петра. Такое изображеніе встрѣчается также и въ лицевыхъ псалтиряхъ, напримѣръ по поводу 39 псалма въ Псалтири XIV вѣка, принадлежащей Обществу Любителей Древней Письменности. Здѣсь фигура пѣтуха положительно напоминаетъ собою изображеніе на четвертомъ типѣ монетъ Донского¹⁾.

Большаго пока, къ искреннему моему сожалѣнію, сказать не рѣшаюсь, не имѣя подъ рукою достаточно данныхъ и боясь, поѣтому, впасть въ область фантазіи и беспочвенныхъ догадокъ. Можетъ быть, кому-нибудь другому посчастливится тверже обосновать теорію, относительно которой я позволяю себѣ ограничиться одними намеками, или найти иное, лучше обоснованное объясненіе способа возникновенія нѣкоторыхъ русскихъ монетныхъ типовъ.

Этотъ едва пока затронутый вопросъ о происхожденіи монетныхъ типовъ или, точнѣе, изображеній на русскихъ деньгахъ XIV и начала XV столѣтій является далеко не празднымъ: еслибъ удалось установить происхожденіе типовъ, то мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, установили-бы и ихъ истинный смыслъ, чего пока, увы, далеко не всегда можемъ сдѣлать, будучи вынуждены ограничиваться самыми странными описаніями изображеній на монетахъ, въ родѣ того, что на лиц. сторонѣ представленъ «человѣкъ, держащій что-то», а на оборотѣ — «какой-то звѣрь» и т. п. Если къ этому добавить, что на цѣломъ рядѣ монетъ не выставлено совсѣмъ имени князя, а на другихъ имя это не сопровождается отчествомъ, то важность яснаго пониманія изображеній станетъ понятна и неспеціалисту. Ясно и то, что лучшій способъ объяснить смыслъ изображенія — это указать съ большею или меньшею достовѣрностью на источникъ, откуда оно заимствовано, открыть его оригиналь.

какъ символъ побѣды надъ врагомъ. Памятникъ, однако, на 150 лѣтъ старше Донского; этимъ все сказано.

1) Дмитрій Донской, повидимому, получилъ свое имя въ честь Св. Дмитрія Солунскаго. Изъ житія этого святаго извѣстно, что дьяволъ искушалъ его подъ видомъ скорпіона въ темницѣ. По этому поводу житіе, конечно, вспоминаетъ слова Ев. Луки X, 19: «даю вамъ власть наступать на змѣя и на скорпіона». . . . Это обстоятельство невольно приводитъ на умъ при видѣ типа нашихъ монетъ, на которыхъ изображена человѣческая фигура въ борьбѣ со змѣею (скорпіономъ?), хотя выводы должны быть дѣлаемы крайне осторожно.

Въ западно-европейской нумизматикѣ мы имѣемъ многочисленныя примѣры прямого копированія или общаго подражанія типамъ, чаще сосѣднихъ, но иногда и отдаленныхъ странъ, такъ какъ всюду обращались монеты самаго разнообразнаго происхожденія. У насъ, въ средней, коренной Россіи этого явленія не замѣчается и, судя покладамъ, изъ иноземныхъ монетъ обращались со времени татарскаго нашествія вплоть до XV вѣка почти только восточныя монеты и отчасти пражскіе гроши. Естественно поэтому (даже помимо всякихъ политическихъ причинъ), что, когда въ XIV вѣкѣ началась чеканка русскихъ денегъ, имъ не только была придана форма татарскихъ, но онѣ всё снабжаются арабскими (= татарскими) надписями или подражаніями таковымъ. Однако, въ отличіе отъ татарскихъ денегъ, если не всё, то многіе русскіе штемпеля хотя-бы одной стороны монетъ снабжаются изображеніями людей и животныхъ и русскими надписями.

У русскихъ денежниковъ не было подъ рукою оригиналовъ для этихъ изображеній въ видѣ ходячей западно-европейской монеты, а потому приходилось искать вдохновенія въ другой области графическихъ искусствъ; естественно, эти мастера могли обратиться къ знакомымъ имъ фигурамъ лицевыхъ рукописей, украшеній храмовъ и рѣзьбы по дереву, металлу и камню.

Мнѣ представляется, что такъ дѣло могло обстоять въ XIV вѣкѣ, въ началѣ, при первыхъ попыткахъ изобрѣтенія собственныхъ типовъ, а затѣмъ, какъ я упомянулъ уже выше, появилось обыкновеніе, вполне естественное и понятное, подражать одинъ другому, т. е. мы встрѣчаемся съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же типовъ денежниками не только одного княжества, но и разныхъ областей, разныхъ князей. Отсюда произошла добавочная, если дозволено такъ выразиться, трудность для русскаго нумизмата—разобраться въ вопросѣ о томъ, въ какихъ случаяхъ тождество типовъ на безмянныхъ монетахъ и на монетахъ съ именемъ какого-либо князя можетъ быть принято за доказательство общности времени и мѣста чеканки, и въ какихъ оно является только слѣдствіемъ подражанія излюбленному образцу.

Понятно, какое широкое при этомъ открывается поле для болѣе или менѣе обоснованныхъ догадокъ, но также и для упражненія остроумія или просто фантазіи. Но, къ сожалѣнію, какъ-разъ на этомъ нельзя основывать научнаго изученія какого-бы то ни было предмета или вопроса. Повторяю, что пока не удастся съ нѣкоторою достовѣрностью установить происхожденіе хотя-бы главныхъ типовъ русскихъ монетъ конца XIV вѣка и начала XV, нельзя будетъ говорить о строго-научной постановкѣ нумизматики

этого періода и поневолѣ придется ограничиваться изданіемъ каталоговъ, или же болѣе или менѣе полныхъ, а иногда только и отрывочныхъ, сборниковъ нумизматическаго матеріала, такъ или иначе приведеннаго въ систему.

Возвращаясь къ монетамъ, приписываемымъ (какъ я думаю, вполне основательно) Дмитрію Донскому, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ арабскихъ надписяхъ на оборотныхъ сторонахъ этихъ денегъ.

Надписи эти могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: три изъ нихъ являются копіями съ надписей на монетахъ хана Узбека (№№ 1, 2 и 10)¹⁾, а остальные воспроизводятъ одну и ту же подпись денегъ Тохтамыша. На № 1 подпись довольно тщательно и даже, пожалуй, сознательно скопирована съ татарской монеты, изображенной на нашей таблицѣ подъ № 18; интересно, что эта монета датирована, причемъ время ея чеканки предшествуетъ востоленію Дмитрія на 30 лѣтъ съ лишнимъ²⁾. Что такія монеты обращались въ его время въ Россіи, не можетъ подлежать сомнѣнію; но тотъ фактъ, что для обратной стороны монеты великаго князя Дмитрія (для даннаго случая даже безразлично, былъ ли этотъ Дмитрій Московскій или Нижегородско-Суздальскій князь) взять штемпель съ именемъ не царствующаго хана, а сравнительно давно умершаго, указываетъ, что въ помѣщеніи этого имени на русской монетѣ не слѣдуетъ усматривать указанія на подчиненность Ордѣ или данническія къ ней отношенія, а можно просто признать случайное копированіе знакомаго всѣмъ и бывшаго подъ рукою у рѣзчика оригинала, находящейся въ обращеніи монеты. Въ томъ-же еще болѣе убѣждаетъ надпись оборотной стороны № 2, на которой даже не упоминается имени хана, а случайно вычеканена надпись, въ данномъ случаѣ бессмысленная: «чеканена въ Сараѣ новомъ». Обратная сторона № 10 интересна тѣмъ, что рѣзчикъ, мало, очевидно, соображая результатъ своей работы, выгравировалъ на штемпелѣ довольно тщательно, но едва-ли сознательно, копію съ татарской монеты, прямо такъ, какъ онъ ее видѣлъ, а не навыворотъ, какъ слѣдовало-бы, почему оттискъ штемпеля на монетѣ получился, конечно, навыворотъ. Орнаментальное впечатлѣніе оригинала несомнѣнно сохранилось, но смыслу надписи нанесенъ былъ явный ущербъ, о чемъ, можетъ быть, не особенно даже сожалѣли, такъ какъ внѣшній видъ монеты остался все-же, въ общемъ, знакомымъ всѣмъ современникамъ.

На всѣхъ остальныхъ деньгахъ съ именемъ Дмитрія имѣется, какъ сказано выше, имя хана Тохтамыша. Напомню, что Тохтамышъ разорилъ

1) Об. ст. № 2 скопирована со штемпеля Узбека, или, можетъ быть, со штемпеля хана Джанибека (1341—1357).

2) Узбекъ (по нашимъ лѣтописямъ «Озбякъ») умеръ въ 1342, т.-е. за 21 годъ до вступленія на престолъ Дмитрія Донского.

Русскую землю, дойдя до Владиміра и до самой Москвы, въ 1382 г., мстя за поражение Донскимъ татарь на Куликовомъ полѣ (въ 1380 г.), и утвердилъ вновь верховную власть Золотой Орды надъ русскими князьями. Такимъ образомъ, русскія монеты, на которыхъ вычеканено имя Тохтамыша, изготовлены не ранѣе 1383 года, т.-е. относятся къ послѣднимъ шести годамъ княженія Дмитрія Донского (умеръ въ 1389 г.)¹⁾. Помѣщеніе на деньгахъ имени царствующаго хана Золотой Орды можетъ быть объяснено, въ данномъ случаѣ, не простымъ фактомъ указаннаго мною выше обычнаго копированія типа ходячей тогда въ Россіи татарской монеты, но видимымъ знакомъ зависимости. Какъ-бы то ни было, копія съ татарскихъ оригиналовъ исполнена болѣе или менѣе тщательно и надписи читаются даже на болѣе грубыхъ штемпеляхъ легко. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что форма арабскихъ буквъ своеобразная и отличается отъ ихъ формы, отъ общаго ихъ характера на татарскихъ оригиналахъ, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивъ подлинную татарскую монету, изображенную подъ № 20 съ русскими монетами №№ 3—9 и 11—16. Точно такой-же характеръ, какъ и на русскихъ монетахъ имѣютъ надписи на деньгѣ, изображенной подъ № 21. Эта монета представляетъ, кромѣ того, ту особенность, что на обѣихъ сторонахъ повторена одна и таже надпись: السلطان توқтамыш خان ظلر (султанъ Туктамышъ хацъ да живетъ долго), вмѣсто обычнаго на об. ст. указанія на мѣсто чеканки. Оба обстоятельства, вмѣстѣ взятая, заставляютъ предполагать съ достаточнымъ вѣроятіемъ, что монета, изображенная подъ № 21, не татарскаго чекана, а русскаго, причемъ, однако, на ней даже не упомянуто, кѣмъ и гдѣ она чеканена²⁾

На таблицѣ съ изображеніями монетъ Дмитрія Донского мною помѣщенъ еще снимокъ съ принадлежащей мнѣ свинцовой привѣсной печати (рис. 17). Печать эта найдена въ іюль 1902 г., въ огородѣ деревни Любяковичи Лужскаго уѣзда и принесена мнѣ находчикомъ. Она не возбуждаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній относительно подлинности. На лицевой ея сторонѣ мы видимъ изображеніе головы впрямь, съ заостренной и слегка внизу раздвоенною бородою, съ длинными локонами по обѣимъ сторонамъ лица. На головѣ вѣнецъ, съ тремя очевидно, металлическими заостренными кверху пластинками впереди и тремя жемчужинами на верхнихъ концахъ пластинокъ, западно-европейскаго, а не византійскаго характера. Голова

1) 1383—какъ-разъ годъ смерти великаго князя Суздальско-Нижегородскаго Дмитрія Константиновича. Сопоставленіе датъ является, отчасти, тоже доказательствомъ въ пользу отнесенія нашихъ монетъ къ княженію Донского.

2) Ср. по этому вопросу: Савельевъ, Екатеринославскій кладъ, въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія нашего Общества; Часть III, стр. 346—347. (СПб. 1858 г.)

въ кружкѣ, вокругъ котораго вполнѣ ясно видны только нѣкоторыя буквы надписи: ксс.л; 1-я, 2-я и 3-я буквы въ надписи видны отчетливо и не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній, 4-я буква—или с, или с, затѣмъ въ уничтоженной части надписи было, вѣроятно, 5 буквъ; 10-я буква, очень неясно видная, была, вѣроятно, е, но могла бы быть, и с; 11-я буква навѣрно т (на фотографіи плохо видна); послѣдняя, 12-я буква навѣрно л. Такимъ образомъ, остатки круговой надписи на описываемомъ экземплярѣ представляются въ такомъ видѣ: ксс(или с).(или с)тл; прочесть ее, по сохранившимся буквамъ, было до сихъ поръ совершенно невозможно.

Недавно въ руки Н. П. Лихачева попалъ второй образчикъ этой-же самой печати. Экземпляръ этотъ не блестящей сохранности, но на немъ, по счастливой случайности, оказалось возможнымъ прочесть нѣсколько недостающихъ на моемъ экземплярѣ буквъ круговой надписи лицевой стороны. Н. П. Лихачевъ, такимъ образомъ, прочелъ ее и любезно сообщилъ мнѣ результаты своего изслѣдованія. Въ недостающей на моей печати части надписи оказались буквы: ами (5, 6 и 7-я буква); Н. П. Лихачевъ предполагаетъ, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно, что двѣ недостающія затѣмъ буквы были л и у; слѣдовательно, вся надпись возстановливается въ слѣдующемъ видѣ: кссами[лу]етл.

На оборотной сторонѣ надпись сохранилась на моемъ экземплярѣ почти цѣликомъ и легко читается, а именно:

ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ВАНОВА...

Описанная печать (изображенная на приложенной, XII таблицѣ подъ № 17) является замѣчательно интереснымъ памятникомъ изъ области русской сфрагистики. По тщательности работы штемпелей обѣихъ сторонъ, по типу лицевой, красотѣ буквъ надписей съ нею могутъ выдержать сравненіе не многія извѣстныя намъ печати XIV и XV столѣтій.

Лицевая сторона, бывшая доселѣ загадочною, получаетъ опредѣленное объясненіе, благодаря прочитанной Н. П. Лихачевымъ круговой надписи: здѣсь, повидимому, представлена (точнѣе, можетъ быть, было намѣреніе представить) голова Спаса Милостиваго или, судя по вѣнцу, Вседержителя. Типъ головы носитъ на себѣ явный отпечатокъ западно-европейскаго, точнѣе, готическаго стиля. Она напоминаетъ собою не монетные типы, а тѣ декоративныя головы (маскароны), которыми украшались фасады (фронтоны и двери) соборовъ. Круговая надпись по обороту рѣчи нерусская, но понятная всякому русскому: «все ся милуетъ», т.-е. или «все сей милуетъ», или «все милуется»; является ли этотъ оборотъ признакомъ инородческаго

происхожденія рѣзчика или признакомъ южно-славянскаго происхожденія его — требовало-бы особаго изслѣдованія.

По вѣрному указанію Н. П. Лихачева, западно-европейское вліяніе на этомъ небольшомъ, но важномъ, памятникѣ прикладнаго искусства въ XIV вѣкѣ, когда такое вліяніе еще замѣтно не проникло, какъ въ XV вѣкѣ, въ Россію, является своего рода загадкою. Поэтому, судя по лицевой сторонѣ, пришлось-бы склониться къ тому мнѣнію, что печать относится къ XIV, а къ XV вѣку. Этому, однако, противорѣчитъ оборотная сторона печати: хотя по тщательности рѣзбы буквъ и ихъ красотѣ, можно-бы находящуюся на ней надпись тоже отнести скорѣе къ XV, чѣмъ къ XIV столѣтію, но палеографическія данныя, т.-е. самая форма начертанія буквъ, указываютъ на XIV, а не на XV вѣкѣ. Но главное то, что мы имѣемъ здѣсь полную титулатуру и отчество Донскаго — «Великаго князя Дмитрія Ивановича». Можно было-бы изъ соименныхъ князей конца XV или, вѣрнѣе, начала XVI вѣка указать развѣ только на одного изъ сыновей Ивана III Васильевича, тоже Дмитрія Ивановича, не носившаго, однако, насколько извѣстно, титула великаго князя и не игравшаго политической роли.

Принимая въ соображеніе всѣ изложенныя данныя въ совокупности, я рѣшительно склоняюсь къ признанію въ нашей печати памятника не XV-го, а конца XIV столѣтія, и мы въ правѣ считать ее замѣчательнымъ свидѣтельствомъ западнаго вліянія въ эпоху Донскаго, къ которому, мнѣ кажется, несомнѣнно слѣдуетъ, пока не будетъ доказано противнаго, относить печать.

Маленькій, но интересный памятникъ этотъ былъ впервые изданъ А. В. Орѣшниковымъ въ III томѣ Трудовъ Московскаго Нумизматическаго Общества (1903 г.), въ довольно обширной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ Русской сфрагистикѣ». Печать, въ ряду другихъ, изображена тамъ на Табл. II подъ № 9. Тамъ-же были изданы еще три печати Дмитрія Ивановича Донскаго, прикрѣпленныя къ граматамъ, хранящимся въ Московскомъ Государственномъ Древнехранилищѣ. Послѣднія имѣютъ на лицевой сторонѣ изображеніе Св. Дмитрія Солунскаго, представленнаго во весь ростъ въ римскомъ воинскомъ одѣяніи; на об. ст. надписи: на двухъ, повидимому: (печата) князѣ великаго Дмитрія, а на одной — князѣ великаго Дмитрія | ивановича | всеа руси. Работа всѣхъ трехъ печатей, по сравненію съ издаваемою здѣсь, грубая.

Гр. И. И. Толстой.

Табл. XII.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковский*.

Отдѣльный оттискъ изъ I тома Записокъ Нумизматическаго Отдѣленія Императорскаго
Русскаго Археологическаго Общества.